

Сунгуров Павел Александрович

**ПОЛИЦИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В статье изучаются функции полиции Тобольской губернии по обеспечению государственной безопасности в последней трети XIX – начале XX в. Автор исследует аспекты нормативно-правовой базы функционирования полиции по линии сотрудничества с жандармерией, анализирует конкретные эпизоды этой деятельности. Работа базируется на ранее не введенном в научный оборот историческом материале.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 199-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 351.74

Исторические науки и археология

В статье изучаются функции полиции Тобольской губернии по обеспечению государственной безопасности в последней трети XIX – начале XX в. Автор исследует аспекты нормативно-правовой базы функционирования полиции по линии сотрудничества с жандармерией, анализирует конкретные эпизоды этой деятельности. Работа базируется на ранее не введенном в научный оборот историческом материале.

Ключевые слова и фразы: полиция; жандармерия; Тобольская губерния; безопасность; ссылка.

Сунгуров Павел Александрович

Тюменский государственный нефтегазовый университет

Pavelsungurov@yandex.ru

ПОЛИЦИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)[©]

Традиционно считается, что в Российской империи существовало специальное ведомство, отвечавшее за обеспечение госбезопасности. Действительно, так называемая «политическая полиция», или жандармерия, является даже более известной структурой МВД, чем собственно сама полиция. Актуальность этой организации стала как никогда высока во второй половине XIX – начале XX в.

Но ошибочно считать, что дела «политические» находились в исключительной компетенции жандармов. Полиция Тобольской губернии крайне часто приобщалась к подобным делам. Нахождение на территории первой Зауральской губернии большого количества ссыльного контингента вынуждало полицейских регулярно вступать во взаимодействие с жандармами.

Для эффективного сотрудничества двух структурных подразделений от полицейских требовалось четкое выполнение предписаний по линии обеспечения безопасности государства. Так называемые «политические» ссыльные, находившиеся в округах (уездах) губернии, представляли значительную «головную боль» для полиции. Стражи порядка обязывались принимать участие в решении любого вопроса, связанного с отправленными в Сибирь.

Расследование преступлений, направленных на подрыв государственного строя, производилось по всей строгости закона. К лицам, обвиняемым в подобных злодеяниях, предписывалось не допускать никого, кроме лиц, обязанных по закону: прокурорских чиновников, представителей корпуса жандармов, чинов полиции, когда была необходимость личного обозрения мест заключения, в силу лежащих на них обязанностей. Кроме того, при строгом соблюдении ограничений, к подозреваемым могли допускаться близкие родственники и поверенные по их делам, но только при условии, что предмет свидания не должен был иметь отношения к преступлению, за которое арестованный был задержан. Вместе с тем, указывалось, что к подобным арестантам не могли быть допущены представители «попечительных о тюрьмах комитетов» и лица, имеющие целью научные или иные мероприятия [1, д. 147, л. 95].

Примечательно, что попасть под надзор полиции в дореволюционной России можно было за нелепые, с современной точки зрения, деяния. К примеру, до 1894 г. сохранялось положение, по которому под негласный надзор полиции определялись воспитанники учебных заведений, исключенные за неодобрительное поведение или просто не оплатившие обучение. Лишь в 1894 г. занимавший должность Министра внутренних дел статс-секретарь Дурново отменил это нелепое указание. Однако был введен новый пункт «за участие в беспорядках». Министр оговаривал, что отменяется вышеуказанное положение по причине того, что за двенадцать лет применения на практике «Положения о негласном полицейском надзоре» подобных второстепенных дел было рассмотрено гигантское количество, а, как следствие, гигантскими были и объемы переписок по данным вопросам [2, д. 53, л. 42].

Отмена некоторых «отживших» компонентов нормативных актов ни в коем случае не означала ослабления государственного контроля над обществом. По этой причине 9 января 1899 г. был закреплен порядок дознания по делам, содержащимся в статьях 246 и 248 (о гос. преступлениях) «Уложения о наказаниях», в соответствии с которым определялось производить дознание по 246 и 248 статье в присутствии командированных на место расследования чинов прокурорского надзора. Подобный порядок вызывал продолжительные разъезды, сопряженные с большой потерей времени и значительными расходами для казны [7, д. 1, л. 14].

В масштабах огромной Тобольской губернии подобный порядок полностью нарушал логику проведения следственных мероприятий. По этой причине на полицейских часто обрушивался шквал народного негодования, связанный с выявлением очередного случая, когда без предъявления обвинения подозреваемый проводил в заточении дни, недели, а нередко и месяцы. Между тем, закон, возлагая наблюдение за дознанием о гос. преступлениях на прокуроров и их товарищей, не вменял им в обязанность присутствовать при всех производимых офицерами отдельного корпуса жандармов (или чинами полиции) следственных действиях. По этой причине Министерство юстиции признавало необходимым сделать общее циркулярное распоряжение, чтобы чины прокурорского надзора лично присутствовали при дознаниях по преступлениям, отмеченным в статьях 246 и 248 [Там же, л. 14 об.].

В соответствии с существовавшими законоположениями, полиция обязывалась представлять губернатору сведения обо всех проявлениях политической активности населения. Собранные данные ежемесячно передавались в Департамент полиции. К примеру, рапорт Туринского уездного исправника за январь 1906 г. выглядел следующим образом: «За январь 1906 г. не замечено ни одного акта проявления политической борьбы (ни манифеста, ни сборищ)» [3, д. 506, л. 1]. 9 июня 1907 г. в Петербург было доложено: «Сельское население Тобольской губернии находится в спокойном состоянии, только увеличивается неприязнь старожителей к переселенцам, на которых первые смотрят как на личных врагов, посягающих на то, чем они издавна свободно пользовались – пашней, сенокосами. В городах, особенно Кургане, Тюмени, есть проявления революционной деятельности, на борьбу с которой направлены необходимые усилия» [4, д. 329, л. 5 об.].

Серьезное отношение полицейских к надзорным функциям нередко приобретало чрезмерный характер. Политический ссыльный, проживающий в губернии, был крайне ущемлен в своих правах. Выражалось это во всех аспектах жизнедеятельности. Кроме «традиционных» ограничений на выезд, проявление любой агитационной и другой деятельности, в отдельные годы эта категория людей не имела права даже свободно заводить знакомства с местными жителями. Если сами ссыльные за попытки наладить контакты с сибиряками могли получить в свой адрес от полиции бранное слово, то отважившиеся общаться с «политическими» могли лишиться работы. Например, в 1910 г. своих рабочих мест лишилось несколько учителей Туринска: кого уволили, а кого «сослали» в отдаленные местности уезда. По данному поводу имелось саркастическое мнение, помещенное в «Сибирских вопросах»: «Все это делается, конечно, в видах искоренения бациллы революции, которую могут занести ссыльные в стоячее болото сибирской обывательской жизни. И чем только не достигается эта цель! В ход пускается весь сложный механизм воздействия, каким располагает власть: тут и запугивание, и перевод на худшие места, и увольнение» [9].

Все же, так называемая «политическая неблагонадежность» нередко фиксировалась полицейскими губернии. В губернии постоянно проживали или временно находились лица, которые занимались той или иной запрещенной деятельностью. Часто жители попадали в поле зрения полиции и жандармерии, к примеру, за хранение запрещенной литературы. В основном, жители губернии хранили у себя запрещенные издания революционного толка. Труды, воспевавшие идеи конституционного устройства государства и т.п., проникали в сибирские окраины вместе с политическими ссыльными из европейских регионов, в частности, большое количество запрещенного «чтива» проникло в Тобольскую губернию из Польши.

По мнению некоторых исследователей, разделение на так называемую «общую» и «политическую» полицию, особенно в вопросах деятельности ведомств, вообще носило весьма условный характер. Р. И. Личев писал по данному вопросу следующее: «...политическая полиция Тобольской губернии принимала участие практически во всех операциях по задержанию «политических» преступников и в последующем расследовании совершенных ими преступлений. При этом честь раскрытия немалой части из них принадлежит именно жандармам, имевшим мощную и всепроникающую агентурную сеть. Подобное положение вещей, однако, не стоит рассматривать как характерную особенность лишь Тобольской губернии, оно имело самое широкое распространение и в других регионах» [8, с. 128].

Но имелись случаи, когда жандармы относились с недоверием к служащим общей полиции. 24 марта 1883 г. начальник Тобольского губернского жандармского управления просил тобольского губернатора организовать допрос находящихся в Ялutorовском тюремном замке крестьян Курганского округа Могилевской волости М. Важенина и Е. Кузеванова. При этом жандарм указывал, что произвести этот допрос должны «более доверенные чиновники, и не из числа полицейских». Дело, по которому проходили означенные крестьяне, касалось фальшивомонетничества [5, д. 811, л. 2].

Все вышеприведенные обстоятельства свидетельствуют, главным образом, о несовершенстве нормативно-правовой базы функционирования полицейских органов. Для того чтобы стражи порядка четко выполняли свои должностные обязанности, в т.ч. в сфере сотрудничества с жандармами, от государства требовалось четко определить полный перечень компетенций полицейских. Такие попытки, несомненно, производились, но так и не нашли воплощения в виде законов. В одном из проектов, разработанном комиссией по преобразованию полиции в Империи, говорилось следующее: «Своей непосредственной задачей комиссия постановила упорядочение полиции безопасности, т.е. полиции как органа власти, призванного обеспечивать в государстве порядок, спокойствие и безопасность. Вопросы же полиции врачебной, санитарной, полиции нравов, печати, строительства, средств сношения и сообщения и т.п., каково бы ни было их значение, не послужили предметом обсуждения комиссии и могли быть затронуты лишь формально, поскольку они соприкасаются с областью ведения полиции безопасности в узком смысле этого понятия» [6, д. 14, ч. 4, л. Г. Л. 75]. Принятие подобного закона могло способствовать интенсификации взаимодействия полиции и жандармерии.

Таким образом, можно заключить, что полиция Тобольской губернии в последней трети XIX – начале XX в., будучи формально отделенной от участия в обнаружении и расследовании «политических» преступлений, на практике была активно задействована в данных процессах. Несовершенство нормативно-правового регулирования являлось преградой для успешного взаимодействия полиции и жандармерии, что нередко приводило к дублированию функций и вызывало негативное отношение со стороны местного общества.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-152. Оп. 1.
2. ГАТ. Ф. И-152. Оп. 13.
3. ГАТ. Ф. И-152. Оп. 20.
4. ГАТ. Ф. И-152. Оп. 21.
5. ГАТ. Ф. И-152. Оп. 87.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. И-102. Оп. 2.
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. И-190. Оп. 1.
8. Личев Р. И. Сотрудничество политической и общей полиции Тобольской губернии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 126-132.
9. Сибирские вопросы. 1910. 8 февраля.

**TOBOL'SK PROVINCE POLICE ON GUARD OF PUBLIC SAFETY
(THE LAST THIRD OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)**

Sungurov Pavel Aleksandrovich
Tyumen' State Oil and Gas University
Pavelsungurov@yandex.ru

The author studies the functions of Tobol'sk province police on ensuring public safety at the last third of the XIXth – the beginning of the XXth century, researches the aspects of the normative-legal framework of police functioning in the area of cooperation with the gendarmerie, analyzes specific episodes of this activity, and conducts the research basing on the materials, for the first time introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: police; gendarmerie; Tobol'sk province; security; exile.

УДК 1.177.1

Философские науки

В данной статье рассматривается социокультурный идеал как реальное отношение между природой и историей, при этом анализируются характеристика, содержание и конкретно-исторические формы воплощения российских социальных идеалов, определяется роль природного компонента. По мнению автора статьи, эволюция социальных идеалов является диалектическим развёртыванием в пространстве и времени противоречий, заложенных в исходной форме социального идеала, который направлен на всечеловеческие ценности, способствующие совершенствованию духовной жизни субъекта.

Ключевые слова и фразы: социальный идеал; социокультурный идеал; духовная жизнь субъекта; общество; историческая эволюция; природный компонент.

Усманов Рустем Маратович

Башкирский государственный университет
rust1988@inbox.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИДЕАЛ КАК РЕАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ
МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ИСТОРИЕЙ[©]**

Социальный идеал связан с ценностным содержанием российского идеала и должен преодолеть природно-географическую, климатическую и культурную среду. При этом фундаментальной формой социального идеала был избран идеал всеобщего согласия (отражение на уровне рефлексии «механизмов» выживания и функционирования «земледельческой общины», существующей в неблагоприятной природно-географической среде) [3, с. 13].

Социокультурный идеал есть, с одной стороны, снижение сопротивляемости общества идеалам, а с другой стороны, совершенствование и развитие социальных идеалов предполагает диалектическое развёртывание противоречий, которые заложены в исходной форме социального идеала. При этом социальная форма идеала осуществляется между достижением «всеобщего» согласия посредством института самоуправления и посредством институтов властвования.

Социокультурный идеал также гармонизирует основные конкретно-исторические формы воплощения российских социальных идеалов в социальные идеалы на таких стадиях развития, которые актуализируют их частные вариации. Отметим, что природа и история часто противостоят друг другу. Так и основные формы воплощения социальных идеалов зачастую противостоят индустриальному, имперско-служебному согласию.

Разве может осуществиться «всечеловеческий» идеал, если он приходит в столкновение с тоталитарными проявлениями деятельности человека?

Заметим, что социальный идеал, как правило, выступает в качестве социокультурной подсистемы, обеспечивающей воспроизводство цивилизационной «идентичности» современного российского общества. При этом социальный идеал способствует процессу его системного саморегулирования [5].

Такие идеалы выступают, как известно, в качестве предпосылки восстановления состояний, которые выводят нас на качественно новый духовный уровень.

Социальный идеал гармонизирует социокультурные подсистемы с природными детерминантами, он способствует устойчивому динамическому равновесию социальной системы. Идеалы, строго говоря,